

Яцевич Мария Юрьевна

ЭТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматриваются онтологические основания феномена власти в европейской философии. Автор устанавливает взаимосвязь метафизических представлений, характерных для западноевропейского дискурса, и положение в картине мира этических принципов. По мнению исследователя, это определило особенности понимания сущности власти в социальных теориях разных периодов, а также существенные коррективы в социальной практике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/60.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 217-219. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 172.1

Философские науки

В статье рассматриваются онтологические основания феномена власти в европейской философии. Автор устанавливает взаимосвязь метафизических представлений, характерных для западноевропейского дискурса, и положение в картине мира этических принципов. По мнению исследователя, это определило особенности понимания сущности власти в социальных теориях разных периодов, а также существенные коррективы в социальной практике.

Ключевые слова и фразы: власть; социальный дискурс; этика; социальная онтология; социальная практика; идеология; постмодернизм.

Яцевич Мария Юрьевна, к. филос. н.

*Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева
maria762003@list.ru*

**ЭТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ[©]**

В современном социогуманитарном знании проблема феномена власти занимает особое место и является одной из самых актуальных для широкого круга специалистов. Такого рода тенденция вполне объяснима, так как является следствием масштабных изменений в социальных практиках XIX-XX вв. Становление массовых идеологий, эффекты их влияния на социальную реальность, процессы глобализации в экономике и других сферах общества, наконец, изменение в последнее десятилетие мировой геополитической картины, практики международного права и многие другие современные процессы в различных сферах жизни общества – все это заставляет исследователей постоянно обращаться к причинам данных трансформаций, одной из которых является концептуализация феномена власти.

Но при всей популярности этой проблемы среди исследователей на сегодняшний день сложилось множество концептуальных подходов и способов интерпретации власти. Многие из них часто рассматривают власть в ее социальном измерении с точки зрения ее функциональных и структурных характеристик [1]. Власть здесь понимается как набор определенных социально-экономических и политико-правовых элементов, необходимых для эффективного управления важнейшими ресурсами [3]. Так, концепт власти в современном гуманитарном знании является не более чем методологическим инструментом, приспособленным в первую очередь для нужд исследований сугубо прикладного характера (в юриспруденции, политологии, социологии, психологии и др.) [Там же]. Таким образом, знание о власти чаще всего служит для описания структуры общества, принципов управления и функционирования социальных институтов, процедур давления и принуждения, механизмов работы психики, идеологического манипулирования, а также способов осуществления нормативно-правовой системы и эффективности контролирурующих органов. Особое значение для развития данной традиции имели конфликтологический подход К. Маркса, структурно-функциональные концепции Т. Парсонса и Д. Истона, коммуникативный подход Х. Аренда, Ю. Хабермаса, работы М. Вебера, Х. Лакана, Р. Барта, С. Жижека, М. Фуко и других мыслителей.

Несомненно, необходимость исследования инструментально-прикладных форм власти является важным условием для осмысления современной социальной практики, но при этом остаются практически не исследованными *этико-онтологические* основания власти, фундирующие ключевые мировоззренческие и социально-экономические обстоятельства современного мира.

Понятие власти с давних пор имеет множество трактовок. Еще со времен античности философы стремились к постижению истоков властных отношений в связке с метафизическими принципами, управляющими Космосом. Организация социальной жизни и основания управленческих механизмов в обществе понимались как проекция метамира, образующая иерархию. Так, уже греческими философами (Гераклит, Платон, Аристотель) была заложена первая концептуальная модель власти как отношения «господства-подчинения», детерминированная метафизическими законами с рационально-логической основой. С этого времени, на наш взгляд, формируется магистральная дискурсивная линия интерпретации власти, где утверждается идея о том, что власть есть онтологическая категория, принцип устройства мироздания и человеческих коммуникаций, присутствующий в метамире, к примеру, как отношения между апейроном и вещами (Анаксимандр); логосом и материальным миром (Гераклит); идеями (Платон), формами (Аристотель) и предметами вещественного мира.

В целом власть понимается как закон, определяющий связь Космоса и природы, мира и человека, общества и личности, посредством эманации совершенных метафизических принципов. Отношения в обществе на основе соблюдения иерархии, подчинения нормам и правилам определяется как проявление в несовершенном вещественном мире идеальных сущностей: Блага, Гармонии, Справедливости, Истины. Следовательно, государство, основанное на строгой иерархии и управляемое с помощью законов, есть наилучшая модель для рациональной организации человеческих взаимоотношений, более всего уподобленная идеальному метафизическому

устройству мира [5]. А как полагал Аристотель, политические отношения есть естественное стремление людей к разумному, добродетельному общению, которое опирается на принципы справедливости и блага [1].

Так, уже в античности сформировалось представление о власти как о *должном, необходимом и достаточном* явлении, легитимировавшем отношения господства и подчинения на основе этических ценностей, фундаментальных метафизическими нормами [Там же]. Законы мироздания и законы социальной жизни – суть едины, морально обоснованы и рационально постижимы. Моральные принципы есть само бытие, а воплощенной моралью в обществе является легитимная власть.

В средневековой системе мышления онтологизм власти все более укореняется: Евангелие становится новым законом и моральным императивом, раскрывающим иерархичное устройство Мира Небесного, где власть является проявлением Божественного порядка и плана спасения человечества («нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1)). Так власть приобретает священный статус, а управление обществом понимается как создание условий для спасения души человека. При этом в сферу обязанностей властных структур входит создание форм и механизмов подчинения личности законам как моральным, так и юридическим. В социальной реальности это, во многом, сопровождалось усилением роли системы подчинения и контроля при помощи соответствующих социальных институтов (принцип васалитета в феодальных отношениях, разветвленная структура Католической Церкви, увеличение налогообложения, расширение аппарата насилия и др.). В результате необходимость подчинения светским и церковным властям, основанная на смирении и принятии существующего метафизического (Божественного) порядка, становится магистральной линией, пронизывающей все социальные практики средневекового мира.

Таким образом, власть получила свое логическое объяснение и онтологический статус первопринципа, прочно утвердив этическое влияние на мировоззрение европейцев, а также повсеместно определяя иерархию власти, абсолютный авторитет легитимных форм управления и практику подчинения. Власть обрела черты архетипа, который транслируется во все последующие эпохи и порождает социальные институты, формы коммуникации при помощи структурирования реальности на основе определенной системы ценностей. Власть становится системообразующим концептом, который определяет картину мира, когнитивные процедуры, культурные традиции, нормативно-правовые формы, социальные практики, коммуникативные процессы и психологические особенности личности.

Определенная модернизация теории власти в классической онтологии наметилась в новоевропейскую эпоху. Становление пантеистической картины мира в XV-XVI вв., где ключевым положением становится принцип: «Бог – есть все», – происходит разрушение центростремительной модели мира. Бытие, некогда структурированное «божественной субстанцией» в античной и средневековой мысли, «распадается» на множество независимых, отдельных и индивидуальных субстанций-субъектов (Р. Декарт) как самостоятельных мыслящих и действующих источников познания, социальных практик и властных отношений.

Сложившаяся новая парадигма позволила десакрализировать и рационализировать власть, лишая ее привычных иерархических линий и центрального этико-онтологического ориентира. Власть в обществе есть результат разумного соглашения, – полагает Дж. Локк [2]. Каждый свободный индивид является носителем властных полномочий, осознанно делегирующий их представительным органам правления. Подчинение позиционируется как величайшая способность разумного индивида осознавать свою выгоду от упорядоченной совместной жизни. Таким образом, власть становится свойством субъекта, результатом его сознательного решения, где индивид одновременно является субъектом политического действия и его объектом.

Новый поворот в онтологии власти определил неклассический иррационалистический дискурс А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. «Власть как воля» – так была представлена новая концептуализация межличностных отношений и социальной реальности. Как известно, волюнтаристическая позиция Ницше уверенно отрицает существование онтологических предпосылок для рационально-логического понимания мира. Иррациональная, неконтролируемая воля к власти и есть сама по себе предпосылка для существования и устройства социальной реальности. Отвергая классическую метафизику власти, он отрицает понимание власти как иерархии или порядка: власть есть воля, бессознательное влечение, проявляющееся через потребность личности повелевать, доминировать, формировать реальность в соответствии со своими стремлениями. «Воля к власти» – это «сгусток энергии», «не только комплекс ощущения мышления, но и прежде всего еще аффект и к тому же аффект команды» [4, с. 253]. Власть есть субъект, но не объект; власть не может быть влечена в структуры мира, так как ни мир и ни власть не обладают объективной структурой, законом или логикой. По мнению мыслителя, власть – это универсальная форма существования человеческого мира, которая проявляется как порыв, желание в сознании и через сознание субъекта.

Так, Ницше впервые деконструирует основы традиционной метафизики рационально-логической репрезентации властных отношений. Лишая власть онтологического статуса, он также лишает ее и этического основания. На роль творца этических норм и принципов существования он ставит личность, обладающую способностью «прорывать горизонт», повелевать, генерировать новые проекты бытия и социально-мировоззренческие нормативы.

Последующее развитие этического релятивизма в иррационалистическом дискурсе постмодернистов (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) совершенно определенно заявляет об отсутствии каких-либо законов в мироздании, а следовательно, объективных моральных императивов и властной субординации, фундамирующих межличностные коммуникации. Для философов эпохи постмодерна власть обнаруживается «везде», что лишает ее иерархически привилегированной субстанциональности. «Вездесущая» власть лишена

метафизического статуса и рациональной подоплеки. Природа власти состоит в конфликте конкурирующих личностей, стремящихся к бессознательному доминированию. Как полагает М. Фуко, язык, семья, государство, политические институты, экспертные организации, научное и медицинское сообщества, исправительные и образовательные учреждения – все это на поверхности и является формой кристаллизации бессознательных порывов в стремлении к господству и обладанию [6].

Такого рода онтологический поворот во многом стимулировал распространение классических политических идеологий и развертывание на этой основе принципиально новых социальных практик в современном обществе. В новом социальном дискурсе XX века уже не остается места для единой картины мира, фундированной этико-онтологическими законами, нет общей системы ценностей, основанной на абсолютных и необходимых идеалах. По мнению мыслителей, придерживающихся данного подхода, есть только относительные потребности, интересы, желания, актуальные для определенных индивидов, социальных групп, реализуемых в соответствии с экономическими, политическими и экзистенциальными обстоятельствами [3]. И в этой ситуации идеология, как форма ценностного сознания берет на себя функции интерпретирования событий социального мира, генерируя систему идеалов и ценностей в общественном сознании исходя из собственных целей. Присущая идеологии тотальность позволяет ей позиционировать себя как единственно истинный способ решения социальных проблем, что наделяет ее способностью структурировать реальность и формировать систему властных отношений. Таким образом, идеология, маскируя отсутствие метафизики, стремится замещать собой этико-мировоззренческие пробелы при помощи создания мозаичной реальности из фактов и посредством манипулирования массовым сознанием.

Концепт власти в таком дискурсе опирается на иррациональные и субъективные основания. Отсутствие этико-онтологической подоплеки в картине мира позволяет претендовать на абсолютную истинность любому идеологическому нарративу, а следовательно, формировать мировоззренческие и социальные процессы в соответствии с интересами и потребностями определенной социальной группы.

Резюмируем. Развитие концептуальных форм власти в западноевропейской философии изначально сформировалось в границах онтологизма и этического субстанционализма. В период становления классического рационалистического дискурса концепт власти сформировался как архетип, укорененный в метафизических структурах бытия и проявляющийся в социальной реальности в форме диады «господство-подчинение». Имея этическую подоплеку, власть являлась в сознании индивидов моральным ориентиром, легитимным гарантом стабильности общества, основанием упорядоченности и предсказуемости, стимулируя центростремительные процессы социальной реальности.

В современном философском дискурсе власть деонтологизации («конца трансцендентного») и релятивизации утрачивает свои рациональные характеристики, обнаруживая свою реальность лишь в плоскости субъективного бытия. В социальном сознании это определило потребность в замещении иррациональной субъективно-волюнтаристской картины мира на более «надежные» и «устойчивые» в общественном восприятии, псевдорациональные идеологемы. Власть в такой системе становится сама основой этико-аксиологической конструкции, она задает параметры, направления и смыслы для собственного осуществления. В этом случае власть является не способом коммуникации (Ю. Хабермас, Х. Аренд), а начинает обслуживать собственные интересы и цели. Особенно ярко это проявляется в глобальном современном мире, где идеологии прочно заняли свое место и фундируют картину мира, порождая сомнительные способы управления и манипулирования массовым сознанием.

Список литературы

1. Бенеттон Ф. Введение в политическую науку / пер. с фр. М.: Весь мир, 2002. 368 с.
2. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. Два трактата о правлении. 668 с.
3. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 240 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: ТОО «Транспорт», 1995.
5. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. 294 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Суратова; под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
7. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
8. Яцевич М. Ю. Власть в теории модерна и современные социальные практики // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11. С. 45-47.

ETHICAL AND ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF POWER IN THE WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHY

Yatsevich Mariya Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
maria762003@list.ru

The article examines the ontological foundations of the phenomenon of power in the European philosophy. The author identifies the interaction of metaphysical conceptions typical for the Western European discourse and the place of ethical principles in the picture of the world. According to the researcher, it determined the specifics of understanding the essence of power in the social theories of different periods, and also predetermined cardinal amendments in social practice.

Key words and phrases: power; social discourse; ethics; social ontology; social practice; ideology; post-modernism.